

Степанида БОРИСОВА:

«Все закольцевалось, как в сказке»

— Степанида Ильинична, велика ли доля импровизации в вашем пении?

— Я всегда импровизирую — не знаю, какая мелодия придет завтра. И в спектаклях тоже, особенно в «Олонхо», потому что эти песни совершенно «не нотные». Я ведь очень эмоциональный человек. В семье даже говорят: мама, ты прямо как итальянка. А я отвечаю: ладно, извините, просто у меня голос такой громкий. Немец, продюсировавший диск «Hulu Project», предупредил меня: Степанида, эмоций не надо! Европейцы всегда очень холодные — никто не хочет переживать. Наверняка и они ругаются, но все должно быть сдержанно. Я, конечно, выполнила их план, но все равно — душа, эмоции мои остались. Видимо, иногда бываете через край. Мой друг из Англии однажды сказал: «Зачем ты их слушаешь? Ты тем и хороша — делаешь, что хочешь». Альбом по моему очень интересный, успокаивает. Скоро выйдет еще один диск, там я пою несколько тех же песен, но совершенно по-другому — я же импровизирую. Правда, продюсер хочет выпускать его в Европе или Америке, а не в России. Говорит, это любопытно, потому что эмоционально. Хотя у меня и спокойные песни есть, и веселые.

— Важно ли для вас быть услышанной?

— Очень важно. То, что меня волнует и тревожит, я всегда хочу высказать через песни, через спектакль. Хочу говорить, говорить, что-то делать... Иногда так наполняюсь! Слава богу, я даю концерты. И в Москве часто бываю, но чаще проездом — пока визы делают. Иногда выступаю в клубах, но в последнее время не очень хочу, так устаю. На самолетах летать уже боюсь — сколько их падает. А потом думаю: если судьба... У меня осталось мало времени, поэтому я хочу успеть, пока приглашают. И немного денег заработать, если честно.

— Можно ли определить жанр вашего спектакля? Это ведь и не драма, и не музыкальная постановка.

— Это «Олонхо», который мы постарались показать на сцене. Правда, нам еще надо думать и думать.

— Правда, что вы сильно сократили спектакль для приезда в Москву?

— Очень! В первый раз играли, наверное, больше трех часов. Потому что так слов жалко! И много-много песен. Но ведь поют, как говорится, три дня и три ночи, правильно? Попробуй-ка за час, за два.

— Вы — единственный театр, приехавший на «Золотую Маску» с национальным эпосом, к тому же вы единственные, кто не играл на русском языке. Не чувствуете себя особенными в афише фестиваля?

— Наверняка нет. Мы себя чувствуем также, как чувствуете себя здесь вы. Мы гордимся этим и, думаю, на подмостках стоим наравне. Со своей культурой, своим языком, своим миропониманием. Мы такие же, дорогие европейцы. Такие же, как вы.

— Какова природа вашей музыкальности? Ведь даже костюмы в спектакле — и те звучат, чем-то поэтизируют. А пение созвучно с голосами птиц, зверей.

— Да, особенно у шаманов. Если подумать — какие у нас есть музыкальные инструменты: хомус, кырыппа с тремя струнами и шаманский бубен. Вот все, что было у наших предков. Вообще, они не жили вместе, как город или село. Там, где озера, в очень красивом

Национальный театральный фестиваль «Золотая Маска» завершился спектаклем «Олонхо» Якутского драматического театра имени Платона Ойунского, в постановке Андрея Борисова. Без всяких скидок — это был триумф, самый настоящий и дорогой: артисты ехали в Москву долго; трудно монтировались декорации; вдобавок спектакль шел не на русском языке, а с субтитрами. Итог — «Приз критики», премия профессионалов за зрительское, человеческое впечатление.

В главной роли эпической женщины-богатыря Кыыс — Степанида Борисова: актриса, игравшая в пьесах Гоголя, Брехта, Айтматова; певица, записывающая альбомы с европейскими продюсерами и сказительница-олонхосут. Жена режиссера Андрея Борисова. Когда говорит — поет, показывает, распускает волосы. Верит судьбе и в день рождения Степаниды ее театр получает «Золотую Маску».

поле одна семья строила жилище, где обитала со своими коровами и лошадьми. Рыбачили, ходили на охоту. Попробуй-ка ты, поживи все время одна! Когда женщины хотели о чем-то говорить, они всегда распускали волосы перед огнем и пели, играли на хомусе. А еще были люди, видимо, слишком эмоционально чувствительные. Их бросало в такое состояние, что они не знали больше, что делать. Прыгали, что-то говорили. И те, кто жил рядом, обычно сходились, как на концерт. Если один раз в год пройдет какой-нибудь знаменитый олонхосут — это было счастьем, праздником.

Кстати, и мой отец пел «Олонхо».

— Вы учились у него?

— Он бросил нас, когда мы были маленькими. Но мама говорила, что испортило его именно это — он ходил по домам и рассказывал Олонхо. Помнишь, как я вчера начинала спектакль?

Отца прозвали именем черта, «арсандолы». Когда я была маленькой, меня все называли «девочкой арсандолы» и я никак не могла понять, кто это такой? Мне было шесть лет, я зашла к сестренке в интернат. Она сделала вид, будто меня не заметила, а сидевшие там большие парни снова стали меня обзывать. Я по-

няла, что они ругались, вышла и так мне обидно стало! Открываю дверь и говорю: сами, мол, такие! А на самом деле оказалось, это было прозвище моего отца.

Потом, когда в школе я стала петь, поехала из маленькой деревни в город, он это услышал. И мне передали: твой отец говорит, что его дочка поет так же, как он. Я думаю: что за человек интересный! Вот вырасту, как я ему дам! С малых лет об этом мечтала, так и выросла с этой обидой. Когда в Москве я закончила первый курс в Щепкинском училище, поехала домой. Мы с друзьями оказались в деревне, где он жил, и решили к

нему зайти — я очень хотела его увидеть. Из соседского дома, через окно, можно было разглядеть его спину в телогрейке. Я попросила его позвать, но он не захотел. А потом он умер — под деревом, по дороге в район.

— О чем вы поете?

Первая песня на диске «Hulu Project» звучала и в спектакле. Она вот о чем: боже мой, земля наша стала страшная, мы бомбим, воюем друг с другом, люди стали недобрые. Там говорится: двоюродный, у которого лицо впереди, так сейчас зависит от малого! Любый маленький черт поселится — и все. А леса какие — сколько грязи; как озера, как природу, как землю мы испортили! И в конце песни: боже, посмотри на нас, помоги. Возможно, кто-нибудь за ум возьмется, кто-то увидит, или услышит мою песню. А остальные песни разные, в основном о любви.

— Это старинные тексты?

— Современные. Особенно я люблю петь на стихи поэтессы Натальи Харлампьевой, мне очень близки ее слова и то, что ее тревожит: любовь, семья, дети. Это очень соотносится с «Олонхо». Вообще семья — самое главное: мы рождаем детей и они вырастают такими, какими мы их воспитываем. Что же будет впереди, если мы не станем думать о детях? Что оставить для них? Только кажется, будто я живу далеко-далеко, на севере, и меня ничто не трогает. Все равно прямо дрожь бьет: где-то воюют, кого-то убивают — страшно... Где-то что-то случается, но ведь это и через нас проходит.

Вот интересная история. Был в Москве какой-то фестиваль и мы должны были привезти спектакль «Добрый человек из Сычуани». Перед отъездом я увидела сон: будто я стою на горе, а там далеко, из горы, по рельсам выезжает эшелон. Помнишь, на войне были такие — открытые наполовину. Я смотрю: много-много кавказских людей и вдруг, среди них, сидит моя тетя. И кричит: «Стеша, не играй такие тяжелые роли, не играй!» И машет рукой. Я проснулась, думаю: боже мой, что за сон, почему она в белое оделась? Тут звонит моя двоюродная сестра и говорит: мама умерла. И вдруг — туман, не пускает нас в Москву, мы еле успели буквально к выходу на сцену. Как раз тогда случилось землетрясение в Армении. Как же я плакала, как горевала, как мне плохо было, просто ужас! Казалось просто, мои родные умирают. А сейчас в Израиле или Америке? Вроде бы они меня вообще не волнуют. Но все равно это нас касается, пропитывает.

— Что означает для вас приезд в Москву с таким масштабным спектаклем?

— Сначала мы вообще не хотели приезжать. Это очень дорого, попробуй-ка столько денег найти! Почему-то правительство дало нам денег из бюджета — советно как-то... Но, наверное, это судьба. Тут много вопросов.

— Зато как вас принимали!

— Значит, не зря приехали. Думаю, артисты получили удовлетворение и обратную зрительскую энергию. Иногда плохо вступаешь и как-то стыдно бывает, теряешься. А тут — все нормально. Мы встретили очень много старых друзей — критиков, учителей своих. Тем более, все мы учились в Москве. Мы с Андреем Борисовым вот в этой гостинице «Минск» играли свадьбу — тридцать лет будет. Все закольцевалось, как в сказке.

Беседовала
Дарья КОРОБОВА